

ИВАНЪ НИКИТИЧЪ СКОБЕЛЕВЪ.

Слово къ воспитанникамъ изъ бродягъ, въ ряды честныхъ солдатъ вступившимъ.

Всемиловѣйшему Государю Императору Высочайше благоугодно было, для исправленія нравственности, вѣрить васъ старому, дряхлому инвалиду, прошедшему въ 42-хъ-лѣтнее поприще службы, съ вѣрою къ Богу, съ вѣрностію къ трону, съ любовію къ отечеству, съ воинскіе чины, отъ простаго солдата до настоящаго званія, смѣло и прямо, по большой, чистой дорогѣ, не оставя позади себя ни сучка, ни задоринки и съ чистою совѣстію, равнодушно и безъ трепета взирающему нынѣ на часъ смертный, не ожидая, здѣсь и за гробомъ, справедливой укоризны и по заслугамъ тяжкаго упрека.

Въ этихъ немногихъ словахъ вмывается вся исторія жизни учителя вашего. Остается присовокупить, что всемъ добрымъ, честнымъ солдатамъ я другъ закадычный. вѣрный; напротивъ того, всемъ мерзавцамъ, негодяямъ, врагъ злобный, непримиримый! Теперь я весь предъ вами на лицо! Выбирайте, ребята, кому какая сторона по сердцу?

Рады стараться! не разъ уже гаркнули вы единодушно. Вѣрю и торжественно надѣюсь найти въ васъ хорошихъ, усердныхъ товарищей: въ мирѣ кроткихъ, добрыхъ, въ войнѣ славныхъ, храбрыхъ; по всюду—Царю и отечеству душою преданныхъ и сердцемъ вѣрныхъ воиновъ.

Злодѣями люди не рождаются, но все дурныя качества формируются въ нихъ дурнымъ сообществомъ и несчастными встрѣчами съ людьми подлыми, гнусными, распутными. Бываетъ, что человѣкъ проштыгнется въ тоскѣ по родинѣ, а часто случаются различныя, и вовсе непредвидимыя, горестныя обстоятельства, при коихъ подкрѣпить

упавшій духъ, могла бы только вѣра; но вѣра слаба въ понятіяхъ жалкаго неуча, неопытнаго, робкаго новичка, если онъ на первомъ шагу службы, не попалъ на добрыя руки; напротивъ того, каждое слово пагубнаго разврата штурмомъ врывается въ глупую, неоточеную голову, и робкая, къ блуднямъ направленная, душа бѣдняка, впадая единожды въ порокъ, съ отчаянія стремится къ другому, къ третьему, а наконецъ и погибаетъ невозвратно. А какъ все мы, болѣе или менѣе, предъ Богомъ грѣшны, предъ Царемъ виноваты: по сему, кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.

Теперь весь успѣхъ въ спасительномъ дѣлѣ нашемъ непосредственно зависитъ отъ понятія святыхъ истинъ, на которыя я указывать вамъ не буду; а чтобъ узнать эти истины, чтобъ убѣдиться въ необходимости и покориться святой волѣ всемогущаго Бога, удостоившаго насъ служить вѣрѣ Его святой,—ума надобно немного. Я и самъ не похваюсь избыткомъ этаго снадобья, но путеводимый благодѣтельными наставниками, въ младенествѣ еще расчухалъ, что не держалась бы зѣмля на водѣ безъ воли Вседержителя, не висѣла бы вода на воздухѣ безъ десницы Его всеисильной, мощной; и если бы не было Творца, не двигались бы луна и солнце, не красовалась бы вселенная; не было бы въ природѣ устройства столь дивнаго и поражающаго умъ и сердце наше согласія столь плѣнительнаго; чудеса эти безспорно принадлежатъ единому, непостижимому, предвѣчному Богу, и... Господи сохрани насъ отъ грѣха тяжкаго, чтобъ мы думали иначе! Каждая букашка, каждый червячекъ и таракашекъ и вся вообще безсловесная тварь очевидно существуетъ подъ покровомъ великаго Хозяина неизмѣримаго міра сего; все исполняетъ законъ Имъ предписанный; все, получая жизнь, находитъ пріютъ, имѣетъ пищу, и все въ совокупности, чувствуя всесвятую милость бдящаго Провидѣнія, благодарить Создателя!. И люди ли только, одаренные умомъ, частицу Божества составляющимъ, въ порывахъ страстей забудутъ и, вооружась неблагодарностію, перестанутъ узнавать, Тебя, Боже всемогущій!

Слушайте, ребята! Много разъ, въ долговременную жизнь мою, встрѣчалъ я враговъ святой вѣры, безбожныхъ, безпутныхъ, дерзкихъ; неоднократно былъ свидѣтелемъ буйныхъ, ложныхъ доводовъ, клятво-преступныхъ и безумныхъ догадокъ, устраниющихъ Творца отъ нечестиваго ихъ бытія; но ни разу не видалъ, и даже не слышалъ еще, чтобъ умирающій злодѣй, въ рѣшительную минуту разлуки души съ тѣломъ, не обратился къ Богу съ позднимъ раскаяніемъ и съ убѣдительнымъ прошеніемъ о прощеніи и помилованіи.

Никогда я не забуду, и вамъ ребята расскажу случай, въ молодости сильно на меня подѣйствовавшій. Это было при Императрицѣ Екатеринѣ, лѣтъ за сорокъ предъ симъ; только что произведенъ я былъ въ капралы. Отъ радости, или отъ другихъ причинъ, прихворнулось мнѣ не на шутку, и молодца спровадили въ лазаретъ. Рядомъ со мной на койкѣ лежалъ подсудимый, арестованный комиссіонеръ, коего фамилія, по тогдашнему времени, была въ нѣкоторой извѣстности, потому что родитель комиссіонера былъ начальникомъ нѣсколькихъ пограничныхъ таможенъ и босурманскія, безбожныя книги пропускалъ на святую Русь вмѣстѣ съ запрещенными товарами, безъ вѣса и безъ мѣры (въ старину эти продѣлки равнялись и едва ли не превосходили бродяжничество непомнящихъ родства. Богъ судья виновникамъ зла, но нынѣ ни тѣ, ни другія шутки, благодаря правительству, не къ духу и не ко времени). Сосѣдъ мой по койкѣ бывалъ въ Питерѣ, въ Москвѣ, во многихъ губернскихъ городахъ, а по словамъ его, и заморскія столицы зналъ онъ какъ порошокъ, коими штабъ-лѣкарь угощалъ его почти ежедневно, съ намѣреніемъ перервать формировавшуюся въ немъ горячку. Онъ дѣйствительно былъ боленъ, но съ постепеннымъ укрѣпленіемъ тѣлесныхъ его силъ, постепенно увеличивалось въ немъ желаніе говорить. Комиссіонеръ говорилъ клейко, гладко, однимъ словомъ, мастерски; но такой вздоръ,—что и Боже упаси! Все, что для истиннаго христіанина свято, комиссіонеру—тринъ травъ! Этотъ варваръ, надрываясь хохоталъ, когда кто-либо изъ страждущихъ тяжкими недугами произносилъ Божье имя. День проходилъ за ночью, ночь за днемъ, комиссіонеръ безчинствовалъ, уничтожалъ, поражалъ святую вѣру, и нечего грѣха таить, восхищалъ насъ краснорѣчіемъ. Однажды утромъ, умывшись, всѣ больные, кто какъ могъ, молились; комиссіонеръ, по обыкновенію смѣялся и къ поклонамъ каждаго присоединялъ свои незѣпыя шутки. Во всей палатѣ, въ званіи офицера, лежалъ одинъ только онъ, слѣдственно его всѣ слушали; противорѣчить никто не смѣлъ; но Провидѣніе, какъ будто въ урокъ намъ, богохулителя вело уже къ цѣли. Посреди самага жаркаго пѣнія неутомимаго нашего соловья (или справедливѣе сказать враля) увидѣли мы небесный гнѣвъ надъ нимъ разразившійся: въ одно мгновеніе смертною блѣдностію покрывшійся и къ послѣдней минутѣ жизни, неожиданно привлеченный, несчастный комиссіонеръ заревѣлъ изъ всей мочи: „братцы, я умираю, ахъ! умираю! насквозь прокололо чѣмъ-то мою душонку!“ Въ слѣдъ за симъ, жестокія корчи и мучительныя судороги, выбили его изъ памяти; долго онъ мычалъ дикимъ, звѣрекимъ голосомъ, потомъ вдругъ, вмѣстѣ съ пѣною, вырвались изъ него слѣдующія слова: „Господи, прости меня окаяннаго; я не при-

знавалъ, я отвергалъ Тебя Царь небесный! Я, зараженный модными, заморскими бреднями, забывалъ религію, утопалъ въ развратѣ и, хватая превыспреннимъ умомъ, уготовалъ себѣ бездну ада, въ сей часъ предо мною разверзшуюся. Забудьте, ребята, что я вамъ говорилъ, не проклинайте меня грѣховодника, и помолитесь, ради Бога помолитесь за несчастнаго, преступнаго нечестивца! Я слышу строгій гласъ Верховнаго Судіи, и гибель моя... совершилась!" Съ симъ словомъ онъ протянулся.

Всѣ мы, и самые даже умирающіе, содрогнулись, вскочили съ коеки своихъ, окружили страдальца, очевидно свыше пораженнаго; морозъ бѣгалъ по кожѣ нашей, неожиданное раскаяніе человѣка ужаснаго и, какъ казалось, въ правилахъ безвѣрія твердаго, удивило, поразило насъ; мы видѣли перстъ Божій, но преступный балажникъ не видѣлъ уже зги!

Упавъ на колѣни, мы дѣйствительно молились, не знаю кто за кого; но я благодарилъ Бога именно за себя, чувствуя, что юное мое сердце, не заразясь нечестивыми бесѣдами, осталось чисто.

Такъ быстръ и скоръ переходъ человѣка отъ жизни къ смерти, отъ устройства къ праху; а при явленіяхъ столь обыкновенныхъ, частыхъ и безъ нарушенія клятвъ, въ лицѣ Бога произносимыхъ, для своевременнаго раскаянія, много-много на душахъ нашихъ грѣховъ; но человѣкъ счастливъ, если, приложивъ руку къ сердцу, наведя справку съ совѣстью, можетъ сказать: *грѣшенъ, но Божій*. У злодѣя, клятвопреступника, нарушителя присяги, не поворотится языкъ сказать столь утѣшительныхъ словъ, прежде нежели обратится онъ съ чистосердечнымъ раскаяніемъ къ Творцу милосердому, къ вѣрѣ, къ закону и къ чести; примирился же съ Богомъ, вмѣстѣ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ избѣгать соблазна, въ головѣ его сдѣлается свѣтло, дыханіе будетъ легко, надежда на жизнь богоугодную, пріятную, блеснетъ въ стѣсенной груди, и душа преступная, унылая, тотчасъ познаетъ чуждую ей до сего, чистую, небесную радость. Вотъ, ребята, тѣ святые, спасительныя истины, съ которыми вѣрующіе въ Бога на водѣ не тонутъ и на огнѣ не горятъ.

Не вы у меня первые, не вы и послѣдніе; тысячи подобныхъ вамъ, по милости Провидѣнія и по довѣренности правительства, прошли чрезъ мои руки; многіе изъ воспитанниковъ моихъ, гнушаясь разврата, устремаясь къ славѣ, за вѣру, тронъ и родной край, положили животь свой въ битвѣ съ врагомъ и давно уже, какъ праведники,

молятъ за насъ грѣшныхъ у престола Вышняго; многіе служатъ въ рядахъ и отличнымъ поведеніемъ, усердіемъ къ службѣ и чистотою нравовъ, сообщаютъ примѣръ молодымъ, юнымъ героямъ; многіе изъ сихъ послѣднихъ, по ходатайству начальства, получили Всемилоствѣйшее прощеніе, кончили срокъ службы, воспользовались свободою и живутъ, благословляя отеческую заботливость и примѣрную строгость, убѣдившую и утвердившую ихъ на службѣ, которая не такъ трудна, каковою съ перваго взгляда кажется лѣнивцамъ, трусамъ и негодьямъ: служба не обременяетъ насъ дѣлами не по силамъ; способы, требованія и исполненія расчитываются начальствомъ заблаговременно.

Прослужа столько, сколько ни одинъ изъ васъ не прожилъ еще на бѣломъ свѣтѣ, конечно встрѣчалъ и я крайности, что и самая смерть была бы благодареніемъ! Но это бывало (да и то рѣдко), во время тяжкой, продолжительной войны; за то тамъ часто одна минута славы щедро платитъ за неудачи всей жизни нашей.

Посмотрите на похвальное постоянство друзей чести, вѣрно-служащихъ, добрыхъ солдатъ. Кто эти Монарху драгоцѣнные и отечеству милые герои, коихъ слава гремитъ во всемъ подлунномъ мірѣ? Это братья ваши, люди изъ одного съ вами состоянія, съ равными вамъ способностями, съ равными науками и просвѣщеніемъ; равно какъ и вы, отъ сохи и плуга, къ высокому назначенію воззванные и въ ряды защитниковъ святой вѣры вступившіе.

Какая же между вами разница? Не та ли, что они, презирая мірскія суетныя оболъщенія, съ христіанскимъ вниманіемъ къ ученію Спасителя, съ дѣтскою покорностію къ законамъ государственнымъ, съ благочестивыми надеждами и съ твердымъ упованіемъ на Господа, готовы съ радостію пролить кровь, не только за вѣру, тронъ и отечество, но даже и за одно только село добрыхъ, трудолюбивыхъ нашихъ соотечественниковъ, если бы увидѣли его въ опасности; а вы, льстясь незаслуженною свободою, скрываетесь отъ взора всѣхъ честныхъ людей и постигаемые страхомъ, гнетомые недостаткомъ даже и въ дневной пищѣ, готовы это же самое село и Божій храмъ, въ немъ красующійся, сжечь безъ сожалѣнія, собственными святотатственными руками, чтобъ, въ суматохѣ несчастныхъ, невинно-страждущихъ собратьевъ, поживишься кускомъ хлѣба!

Разсмотрите эту разницу безпристрастно, оцѣните поведеніе преступныхъ дезертировъ, гнусныхъ бѣглецовъ; изслѣдуйте безобразные ихъ подвиги, и вы безъ сомнѣнія вмѣстѣ со мною скажете: „правда, подобные изверги недостойны жизни, и какъ рвутъ въ огородѣ дур-

ную траву, для свободнаго растенія травъ добрыхъ, такъ надлежитъ безъ пощады убивать подлыхъ людей, для безопасности честныхъ гражданъ!"

Отъ сотворенія міра и по днесь, всѣ имперіи и каждое царство, для защиты отечественной независимости, чтобъ сохранить вѣру святую и родную землю, чтобъ не дѣлиться съ сопостатомъ женой, сестрой и дочерью, призывали людей на службу; и закону этому, съ сердечнымъ умиленіемъ, покорялись люди всѣхъ состояній, отъ царя и до раба; видѣли горькое, видѣли сладкое, но исполняли священный долгъ свой безъ ропота. Что же мы за безчувственные истуканы? какія у насъ особыя права? и къ нашему-ли только сердцу исключительно не достигаетъ призывный гласъ отечества? Вздоръ, ребята, это бредни!

Каждому свыше опредѣлено свое дѣло; мужики поютъ и землю пашутъ; у Цыганъ земли нѣтъ, такъ они поютъ и плачутъ; у насъ все есть!—мы должны пѣть и служить. Обратимся же къ добродѣтели, прибѣгнемъ съ чистосердечными молитвами къ Господу Богу, помолимся Ему о спасеніи нашемъ, и—примемся служить!—служить и... пѣть; непорочному сердцу трудъ весель; вспомните впрочемъ, что жизнь нашу не аршинномъ мѣрить; не успѣемъ зѣвнуть и... въ ящикъ; а грѣхи не пироги, ихъ желудокъ не варить, и нищій не приметъ; они тяжелы и громоздки; съ ними въ царство небесное не пролѣзешь; а Бога обмануть нельзя, ребята. Все, что я вамъ говорю и что вы думаете, Онъ слышитъ и видитъ, и... горе злодѣю, кто мыслить дурное!

Въ прощеніи прежнихъ грѣховъ, раскаявшемся и думать не стоитъ; милосердію Божьему и отеческому сердоболію Монарха нѣтъ предѣловъ! *Помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіи Твоемъ!* молитва не длинна и не утомительна; но разбойникъ, изъ глубины души и отъ чистаго сердца оную произнесшій, удостоенъ вѣчныхъ благъ. По сему на этотъ разъ, честное имя, чистая совѣсть, усердіе и ревность къ службѣ, кротость и вѣжливость въ поведеніи, да будетъ первый и послѣдній спасительный урокъ мой.

Но если заморской врагъ православной вѣры задѣнетъ нашего батюшку Бѣлаго Царя за живое, если позовутъ насъ въ чистое поле на схватку съ босурманомъ; тогда ребята, будетъ рѣчь другая, прекатистая, развеселая, разлихая! Тогда мы станемъ пѣть и... бить!

Въ заключеніе присовокупляю, что примѣромъ строгости, какую я употреблю надъ первымъ бѣжавшимъ, или другое какое либо преступленіе учинившимъ негодяемъ, я стращать васъ не стану; буду молиться Богу и надѣяться, что звѣзда моя не померкла, и что горестная

необходимость къ ужасному и примѣрному наказанію, какое я съ прискорбіемъ обязанъ буду сдѣлать, останется душѣ и волѣ моей не знакома.

Оно такъ и будетъ непремѣнно, если вы будете слушать меня, по вѣрѣ Христовой,—какъ добраго брата; по обязанности путеводителя вашего,—какъ нѣжнаго отца; а по данной мнѣ Правительствомъ неограниченной надъ вами власти,—какъ строгаго начальника. По сему желательно, что бы въ первыхъ двухъ случаяхъ, вы имѣли ко мнѣ довѣренность и любовь, а въ послѣднемъ—держали бы ухо востро!!!

*

Изъ рѣдкой книги: „Сборникъ приказовъ, отданныхъ инспекторомъ резервной пѣхоты генераль-лейтенантомъ Скобелевымъ по вѣреннымъ ему войскамъ, съ 1834 по 1836 годъ“ Нижний Новгородъ 1836. Май. 8-ка, 164 стр.

Собраны ли отдѣльные листки воззваній Скобелева, которыя печатались въ 1812 году въ походной типографіи у князя Кутузова? Ихъ слѣдуетъ сопоставить съ афишами графа Растопчина.

И. Н. Скобелевъ, сынъ Оренбургскаго однодворца, род. въ 1778 году † въ 1849 году, когда внуку его, Бѣлому Генералу, было шесть лѣтъ отъ роду. См. статью И. А. Кубасова въ „Р. Старинѣ“ 1900 г., № 2 и 3. П. Б.

Письмо Д. Д. Куруты къ графу Л. В. Васильчикову.

Милостивый государь Ларіонъ Васильевичъ!

Спѣшу симъ донести вашему высокопревосходительству о несчастномъ и печальномъ событіи: блаженные памяти Его Императорскаго Высочества Цесаревича Великаго Князя Константина Павловича супруга Ея Свѣтлости Княгиня Ловичъ отъ продолжительной болѣзни скончалась въ Царскомъ Селѣ въ комнатахъ Стараго Дворца. При семъ докладываю, что похороны имѣютъ совершаться здѣсь въ Царскомъ Селѣ, и преданіе тѣла землѣ въ здѣшней католической церкви Рождества Св-го Іоанна Крестителя Господня, а въ какой день, еще неизвѣстно, ибо сіе будетъ зависѣть отъ окончанія нужныхъ къ тому приутовленій.

Имѣю честь быть съ истиннымъ высокопочтеніемъ и совершенной преданностью, милостивый государь! Вашего высокопревосходительства вsepokopнѣйшій слуга. графъ Дмитрій Курута.

17 Ноября 1831 г. Царское Село. Его превосходительству г. генер.-адъют., ген.-отъ кавалеріи Л. В. Васильчикову.

Сообщилъ С. Палчулидзевъ.